

21.10.97

Солженицын Александр

ОКТАБРЕ 1997 Г.

книжное обозрение
The BOOK REVIEW

— 1997. — 21 окт. (N 42) — С. 5

«ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА БУДЕТ РАБОТАТЬ В РОССИИ ДОЛГО...»

Интервью
с Натальей
Солженицыной

— Наталья Дмитриевна, как и когда возникла мысль об учреждении Литературной премии Александра Солженицына?

— Идея возникла давно — в 1974 году в Стокгольме, когда Александр Исаевич, уже высланный из СССР, получал свою Нобелевскую премию. События эти описаны в книге «Бодался теленок с дубом». Именно тогда Александр Исаевич сказал мне и записал в свой маленький блокнотик (он с ними никогда не расстаётся): как бы хорошо когда-нибудь учредить литературную премию в России... Эта запись так и вошла в книгу, которую мы сейчас готовим к печати, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», — вот она: «Но мечтаётся: когда наступит время вернуться в Россию (ой, когда?), да если будут у нас материальные силы, — учредить нам собственные литературные премии — и русские, и международные. В литературе Россия искушена. А тем более, знаем теперь истинные масштабы жизни, не пропустим достойных, не наградим пустых...»

Так вот, мысль о премии родилась еще тогда. Потом, годами, Александр Исаевич о ней почти не думал. Но он всегда был уверен, что непременно при жизни вернется в Россию. Просто на удивление всем людям, которые себя считали здравомыслящими, а его романтиком, — он продолжал твердить, что, скорей всего, коммунизм рухнет еще при его жизни и он вернется в Россию (хотя ничто в международной обстановке этого не обещало). Я не была уверена так, как он, но зато в разговорах о нашем гипотетическом возврате всегда напоминала: «Вот вернемся, тогда откроем премию...». Он отвечал: «Да, хорошо бы...». Но когда мы вернулись — столько всего на нас обрушилось, что до премии никак не доходили руки. Теперь время пришло.

— Читающая Россия, познакомившись с условиями присуждения Премии, озадачится некоторыми вопросами, которые мне хотелось бы озвучить. Сначала коснемся жанров: кроме прозы, поэзии, драматургии, упомянутых в условиях присуждения Премии Александра Солженицына, существуют такие жанры, как искусствоведение, детская литература, мемуаристика (в координатах которой, кстати,

написан солженицынский «Теленок» и пишется «Зернышко!») и т.д. Что это — дискриминация или забывчивость?

— Ни то, ни другое. Мы не считаем нужным дублировать разделы учебника литературы и перечислять всевозможные жанры. Коль скоро речь пойдет о произведении, которое, с нашей точки зрения, будет высокодостойным, и как только внутри жюри мы придем к согласию, — мы и присудим ему премию. Вопросы детального «жанрирования» не играют определяющей роли.

— На какие средства учреждается Премия?

— На мировые гонорары за «Архипелаг ГУЛаг». Александр Исаевич публично объявил, еще до своей высылки из страны в 1974 году, что все их отдает на общественные нужды. После публикации на Западе «Архипелага» советская пресса взорвалась поношениями и обвинениями в его адрес. Солженицын отвечал (18 января 1974): «Полная ярости кампания прессы скрывает от советского читателя главное: о чем эта книга? Что за странное слово «ГУЛаг» в названии ее? <...> Они имеют бесстыдство плюнуть в смежные глаза всем убитым: что написано об их муках и смерти только ради валюты. Но и тут промахнулись: продажная цена книги на всех языках будет предельно низка, чтоб читали ее как можно шире. Цена такая, чтобы только оплатить работу переводчиков, типографии и расход материалов. А если останутся гонорары — они пойдут на увековечение погибших и на помощь семьям политзаключенных в Советском Союзе. И я призыву издательства отдать и свой доход на ту же цель».

Это первое печатное упоминание о намерении Александра Исаевича, которое, однако, он осуществил сразу же по высылке. Когда я с детьми, спустя несколько недель, прилетела к нему в Цюрих, он уже писал «Невидимки», последнюю главу «Теленка». Я удивилась: земля горит под ногами, неужели мемуары в такой момент — самое неотложное? Он сказал: «Я боюсь забыть, я хочу положить на бумагу все, что помню, все детали, — они потом несомненно забудутся». И еще: «Я хочу с тобой обсудить одну идею».

В результате «обсуждения идеи» — все гонорары за «Архипелаг» на всех языках (и сами авторские права на эту книгу) были тогда же отданы учрежденному им «Русскому Общественному Фонду помощи преследуемым и их семьям» (теперь его официальное название — «Русский Общественный Фонд Александра Солженицына»). Фонд был создан в Швейцарии, где мы сначала жили. Окончательно его документы были утверждены швейцарским правительством в 1975 году.

В Уставе Фонда обозначены были две главные цели: первая — помочь физически выжить семьям людей, арестованных и отправленных в лагеря по политическим, национальным или религиозным мотивам; вторая задача — культурная, помочь осуществлению в русском зарубежье культурных начинаний, невозможных под советскими.

Так Александр Исаевич целиком отдал деньги за «Архипелаг» своим младшим братьям по ГУЛагу; а сверх того положил стипендии тем, кто занимался исследованиями российской истории XX века; кто работал для сохранения памятников русского искусства за рубежом; мы основали и начали издавать в Париже две книжные серии (которые теперь продолжаем в России): *Исследования Новейшей Русской Истории* и *Всероссийская Мемуарная Библиотека*. Средства Фонда помогли нам составить обширное собрание рукописей, воспоминаний наших соотечественников, которые иначе, быть может, пропали бы... Вся уникальную коллекцию этих мемуаров мы затем перевезли на родину и передали в общественное пользование (нам удалось открыть — это наша радость и гордость — библиотеку «Русское Зарубежье» на Таганке).

Культурная задача Фонда была нами заявлена с самого начала. Но, естественно, в те годы на первом месте все-таки стояла задача неотложной помощи детям и старикам — родителям тех, кто сидел в ГУЛаге. Теперь, слава Богу, политического ГУЛага, можно сказать, нет. Но есть еще немало стариков-эков, у которых годы лагерей отняли семью, профессию, здоровье, — и в сегодняшних условиях они бедствуют запредельно. Конеч-

но, всем помочь невозможно, но наш Фонд регулярно помогает более чем тысяче людей, выплачивая им как бы пенсию из гонораров за «Архипелаг»...

— ...Компенсировав упущения государства?

— Александр Исаевич всегда считал себя не вправе получить за «Архипелаг» хотя бы один рубль или один доллар. Он сначала отдал все свои гонорары за эту книгу, а напечатана она была на 30 языках. Все остальные книги вместе взятые принесли лишь пятую часть, и только эту часть он оставил себе, семье. Как посмотришь вокруг — довольно беспрецедентный поступок. Тут я говорю не как жена, а как современник и человек, знающий правила и практику частных фондов.

Пришло время — и наш Фонд может позволить себе финансировать такой проект, как ежегодная литературная Премия.

— Это, кажется, будет единственная литературная премия в России, которая учреждена частным лицом, ведь деньги, как я понимаю, взяты из семейного бюджета?

— Да нет же, я вам говорю: эти деньги были вынуты из семейного бюджета с самого начала, когда Александр Исаевич отказался от всех гонораров за «Архипелаг». Несомненно, он мог бы этого не делать, и тогда это были бы «семейные» деньги. Но тогда — он не был бы Солженицын. Не знаю, единственная ли это премия в России, учрежденная частным лицом, — но это наверняка единственный случай, когда литературный заработок повернут на литературную же премию.

— Вызывают вопросы временные границы, обозначенные в Положении о присуждении Премии: это должны быть произведения, созданные и опубликованные в послереволюционное время. Но тогда кандидатами становятся Ахматова и Евтушенко, Платонов и Астафьев, Булгаков и Битов, Ердман и Петрушевская... А еще — Есенин, Белов, Бабель, Макаин, Ерофеевы (оба!), Юрий Казаков, Токарева... О молодых вообще не заикаюсь.

— И напрасно. По нашей мысли, их всех — старых и молодых — органически объединяет особенность, ни на что не по-

хожесть послереволюционной советской эпохи.

— Но согласитесь, весовые категории Таланта — разные.

— Соглашаюсь. Вот для того и премия. Однако степень литературной известности автора не будет заворачивать нас при выборе лауреата.

— Ну а представим себе, что каждый член вашего жюри предлагает по одному разному кандидату. Возникает патовая ситуация. Из нее не выйти без диктатора Авторитета. А кто у нас Авторитет? — понятно.

— Ошибаетесь. То, о чем вы сейчас говорите, относится уже к самой, так сказать, химии работы жюри: как мы будем взаимодействовать, как будем двигать, как обсуждать: это уже — тайна жюри. Это и естественно: всякое жюри работает за закрытыми дверями. И за теми дверями ни о каком диктате не может быть речи. Александр Исаевич — инициатор этой Премии, и о составе жюри думал, в первую очередь, он. Все члены жюри — его выбор. Каждый из них пользуется его высоким уважением. В частности — за независимость и профессионализм. Говорить же о «диктате Солженицына» может только тот, кто никогда не работал с ним. У меня долгий опыт такой работы, и могу сказать, что Александр Исаевич на редкость прислушивался ко всякой критике, в процессе работы он благодарно открыл любым замечаниям.

— Но у вас — четная шестерка членов жюри. Что если голоса разделятся «трое на трое»?

— Ну что ж, это — одна из четырех возможностей разделения голосов: 6:0 / 5:1 / 4:2 / 3:3. Эту последнюю гипотетическую ситуацию мы на жюри обсуждали и единогласно решили: в этом случае, так и быть, подарим именно Солженицыну одну сотую седьмого голоса.

Скажу в заключение: задумали мы эту Премию — всерьез. Пороху на нее — энергии, средств, преданности литературе — должно хватить надолго. Механизм обновления жюри также предусмотрен. Мы учреджаем ее в надежде, что Литературная Премия Александра Солженицына будет работать в России — долго.

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.